

Обретение памяти

ПОДВОДНЫЕ АРХЕОЛОГИ РЕКОНСТРУИРУЮТ ХОД ВЫБОРГСКОГО СРАЖЕНИЯ

Аркадий СОСНОВ. Фото: Виктор Лягушкин, Игорь Галайда, из личного архива Романа Прохорова, Максим Неизвестных

Российско-шведской войне 1788–1790 годов посвящен лишь один абзац в школьных учебниках истории, о ее кульминации — Выборгском морском сражении 22 июня 1790 года в них не упомянуто вовсе. А ведь это была крупнейшая битва парусных флотов на Балтике. Шведы, желая вернуть земли, утраченные после Северной войны, высадили десант, намереваясь захватить Выборг, а затем с моря и суши двинуться на Петербург. Расчет был и на то, что параллельно Россия воевала с Турцией, распыляя силы. Но реваншистские планы не сбылись. Шведская эскадра была окружена в Выборгском заливе, после 29 дней блокады решилась на отчаянный прорыв, приведший к фатальным потерям, — затонуло около 60 кораблей, треть корабельного и часть армейского флота. Русские потеряли только шхуну «Слон» и 156 человек убитыми. Из-за не-

решительности командующего Балтийским флотом адмирала Василия Чичагова (тем не менее награжденного Екатериной II высшим орденом Российской империи — Святого Георгия первой степени) не удалось организовать должное преследование отступающих, но в мирном договоре, заключенном в августе 1790 года в финской деревне Вяряля, Швеция подтвердила довоенные границы.

В сражении участвовали представители многих стран Европы. Шведской армадой, выдвинутой на расстояние маршевого удара до молодой российской столицы, командовал сам король Густав III. России не хватало морских офицеров, и будущая гордость нации — юные гардемарины и мичманы Юрий Лисянский, Василий Головнин, Петр Рикорд, Иван Крузенштерн — получили боевое крещение под Выборгом, в море

Фото слева направо:
Вахта в Выборгском заливе.

Водолазная династия: отец и сын Галайда с аппаратурой для подводной видео- и фотофиксации.

На странице 83:
План Выборгского морского сражения. Хранится в фондах Государственного исторического музея, в составе коллекции отдела картографии. Автор неизвестен.

вышли многие сухопутные офицеры. А еще эту войну называют школой будущих генералов 1812 года: Дмитрий Дохтуров, Василий Гарпе, Федор Буксгевден... В составе нашего флота было немало англичан (так, британские офицеры Роберт Кроун и Джеймс Тревенен, сопровождавший Джеймса Кука в кругосветном плавании, командовали русскими кораблями; первый впоследствии стал российским адмиралом, второй погиб в сражении) и даже 112 турок, плененных на Черном море.

— Мы поразительно мало знаем об этой войне — единственной выигранной Россией на море. Ко всему прочему, это была война брата с сестрой, точнее, кузена с кузиной, поскольку Екатерина II и Густав III состояли в родстве по линии Гольштейн-Готторпов, — эти увлекательные подробности сообщает мне научный руководитель Национального центра

Наследие

подводных исследований (НЦПИ) Андрей Лукошков в крохотной кают-компани исследовательского судна, качающегося на темных волнах Выборгского залива у мыса Крестовский (Крюссерорт), в месте прорыва шведской эскадры. Вдоль бортов закреплена научная аппаратура, на узкой палубе развешаны водолазные костюмы. Небосвод тоже по-осеннему темный, неприветливый, и легко представить себе, как 225 лет назад в этой чаше с гранитными берегами кипел двухдневный бой, сопровождаемый штормом.

Цель экспедиции под эгидой Центра подводных исследований Российского географического общества (ЦПИ РГО) — реконструировать ход сражения, ведь оно протекало не так, как планировали военачальники с обеих сторон, а значит, и не совсем так, как изложено в их отчетах; русские и шведские ис-

Наследие

точники того времени противоречат друг другу. Восстановить подлинную картину событий помогают поиск и исследование затонувших кораблей, позволяющие постфактум определить, в каком направлении они двигались, где и по какой причине погибли. Каждая находка обещает открытия, но, чтобы сделать ее, надо изучить десятки вахтенных журналов с описаниями боя и пеленгами кораблей, построить маршруты их движения, составить прогнозные карты, с учетом преобладающих течений и ветров — это земные будни исследователей. Только этого мало!

В ходе морских экспедиций нужно буквально шарить по дну с помощью профилографов, магнитометров, локаторов, потом, погрузившись в потаенные глубины, тщательно измерять останки корабля, лопаточкой или руками деликатно расчищать культурный слой вокруг обнаруженного предмета. Не то уронишь, скажем, старинную монетку — и концы в воду. Иногда водолазы вынуждены вскрывать толщи грунта: с годами корабли может затянуть илом и песком, приходится их размывать с помощью эжекторов, а это уже нелегкий, отнюдь не романтичный физический труд.

Наглядный пример — начатые в этом году раскопки построенного по чертежам Петра Великого линейного корабля «Портсмут», возглавлявшего нашу эскадру в победной битве у острова Эзель в 1719 году и затонувшего близ Кронштадта в том же году. Специалисты надеялись поднять кусок днища — все, что осталось от легендарного флагмана, а когда стали слой за слоем снимать грунт, наткнулись на пушки, амуницию... Чем глубже лежат предметы, тем сложнее их размывать, но тем они сохраннее — диалектика!

Команда НЦПИ стойкая, слаженная и к трудностям привычная. Люди вместе работают около двадцати лет и столько уже успели: составили каталог из 12 тысяч кораблекрушений, обнаружили более 500 затонувших объектов в северо-запад-

Фото сверху вниз:
Капитан Андрей Синицын вот уже 17 лет выходит в экспедиции с НЦПИ.

Андрей Лукошков с макетом книги о Выборгском сражении.

Роман Прохоров поднял эту тарелку с корабля «Архангел Рафайл», затонувшего в 1724 году.

Компания «Газпром трансгаз Санкт-Петербург» принимает активное участие в общественно значимых проектах, содействует развитию науки, помогает сохранить культурно-историческое наследие для будущих поколений.

С 2014 года перечень этих проектов пополнился оказанием благотворительной помощи автономной некоммерческой организации «Национальный центр подводных исследований». Как отмечает исполнительный директор АНО НЦПИ Максим Бабаринкин, в этот период реализовать задачи масштабного изучения объектов подводного наследия РФ, популяризации российского мореплавания, создания школы и оформления официального статуса подводной археологии в России, системной интеграции российской гидроархеологии в мировой контекст удалось исключительно при поддержке компании и ее руководителя Георгия Фокина.

Наследие

Фотоплан корабля «Архангел Рафаил», сделанный в 2004 году из 300 фрагментов.

Чтобы составить представление о подводном объекте, в НЦПИ придумали фотографировать его по частям и кадры складывать как мозаику. Видно, что носовая часть корабля уцелела, кормовая развалилась, палуба и мачты отсутствуют. Сейчас эта технология усовершенствована: видеосъемка нарезается на кадры и «склеивается» на компьютере. Следующий шаг — превращать видеосъемку в 3D-изображения, получая объемную визуализацию объекта.

ной части бассейна Балтийского моря, часть из них обследовали, подняли на поверхность и сохранили ценные артефакты. Достижения на уровне солидного института штатной численностью человек под сто, а на «борту» НЦПИ всего-то семеро, включая матросов! Зато у них надежный партнер — компания «Газпром трансгаз Санкт-Петербург» помогает снаряжать регулярные экспедиции (нынешняя — шестая в этом году, предстоят еще две), приобретает оборудование, отправляет специалистов центра на международные конференции и стажировки.

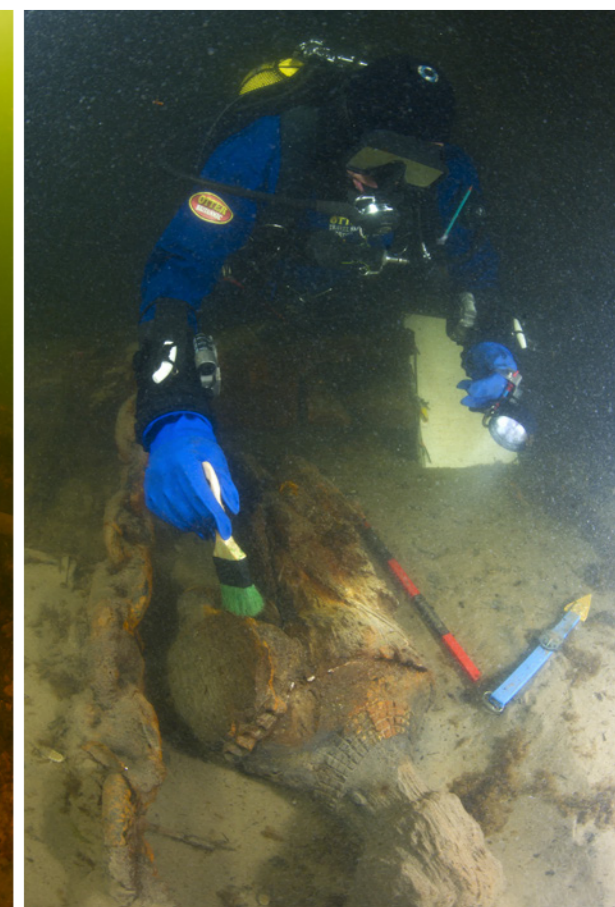
— Для нас это почти забытое сражение примечательно тем, что оставило на дне разнокалиберную флотилию, — продолжает Лукошков, — линейные корабли, фрегаты, галеры и много мелких вспомогательных судов, а в месте прорыва их больше всего. Одни погибли от попадания снарядов и лежат на большой глубине почти нетронутые, как капсулы времени,

другие налетели на мели — ветер и волны разбросали их обломки по акватории, третьи потонули из-за шторма.

В 1991 году мы впервые вышли в Выборгский залив и сразу установили местоположение шведской королевской яхты «Аврора» и фрегата «Земира». С тех пор картировали все эти объекты, от пролива Бьеркезунд до Хельсинки, и в год 225-летия сражения не могли оставить их без внимания.

Среди них, например, шведский канонерский баркас, небольшой, длиной 18 метров, лежащий неподалеку от Приморска. Его можно было бы поднять, законсервировать и отреставрировать для возрождаемого силами Газпрома Мемориала петровского флота. Своим указом от 17 января 1724 года император повелел хранить в Петербурге вечно «суда первого здесь строения, а завоеванные — в память бывших баталий». Первыми экспонатами мемориала были шведские корабли, захваченные в ходе Гангутского сражения 1714 года. Указ исполнялся и после смерти Петра: так, в 1732 году в Кронверкской гавани стояли 28 кораблей — 15 шведских и 13 русских. Увы, мемориал не дожил до наших дней (последняя из реликвий — личная барка Густава III, захваченная в плен именно в ходе войны 1788–1790 годов, была уничтожена в 1965 году), но, как на полном серьезе говорит Лукошков, «указ императора никто не отменял. Газпром воссоздает «Полтаву» — первый линейный корабль, построенный в Петербурге, а мы готовы дополнить мемориал подлинными кораблями петровской и екатерининской эпох».

Из петровских кораблей вне конкуренции тот самый «Портсмут», первые три пушки с которого, уже расчищенные, предстоит поднять на поверхность до конца этого года. Их консервацией и реставрацией займется водолаз-исследователь, археолог, реставратор (все ключевые профессии в одном... «скафандре») Роман Прохоров. Пушки не просто начала XVIII века, а подаренные Петру королем

Иван Галайда еще в 2003 году при погружении на корабль «Архангел Рафаил» нашупал в толще ила бочку (как выяснилось впоследствии, с зерном) и торчащий из нее кусок ткани. И только в прошлом году, когда трюм корабля начали послойно размывать, нашел в заветном месте панталоны и этот кафтан. Его превосходно, причем бесплатно, отреставрировали в Государственном Эрмитаже.

Чернильница XVII века с резной крышкой, обнаруженная на корабле «Архангел Рафаил». Роман Прохоров собственноручно отреставрировал ее во время стажировки.

Наследие

Дании Фредериком IV, можно использовать и для оснащения «Полтавы», и для экспозиции Музея истории Кронштадта, с которым сотрудничает НЦПИ. Подлинниками такого класса вполне гордиться любой музей мира!

Пока мы беседовали с Лукошковым, Прохоров что-то изучал, уткнувшись в ноутбук. Оказалось — сравнительные характеристики насосов для прокачки щелочи через ванны, в которые будут погружены поднятые со дна пушки с целью очищения чугуна от накопившихся за три века морских солей. Стоило отвлечь его от этого процесса, как он прочитал краткую лекцию об особенностях подводной археологии.

На первый взгляд, те же этапы, что в археологии обычной: поиск, фиксация, раскопки, консервация, восстановление предметов. Но с «маленькой» поправкой — предметы эти мокрые. Казалось бы, море — активная электрохимическая среда, потворствующая коррозии, но, к примеру, балтийская вода холодная, темная, светонепроницаемая — металлические предметы могут лежать в ней сотни лет, а на суше рассыпаться за месяц. Кроме того, вещь, изготовленная из разных материалов (металл + древесина + ткань + кожа...), требует разных методик консервации и реставрации. Не менее сложно воссоздать корабль из поднятых со дна обломков.

Поэтому правило серьезных подводных археологов гласит: не уверен, что способен сохранить вещь, — не поднимай, дабы не загубить. Поэтому Роман Прохоров и не спешит извлекать из глубин найденное на немецком торговом судне «Архангел Рафаил», затонувшем в 1724 году в Выборгском заливе, старинное ружье — фузею с деревянным прикладом: сначала планирует провести исследование в ГосНИИ реставрации, где он проходил стажировку. Зато оловянную посуду с «Рафаила» поднял и отреставрировал. Ответственное отношение к предмету поиска отличает профессионалов от расплодившихся «черных» дайверов.

Наследие

Критична и такая «мелочь», как точная навигация: обнаружив на дне предмет, надо безошибочно привязать его к местности. Эту науку специалисты НЦПИ освоили вполне: скажем, фрегат «Земира» длиной 50 метров, который в ходе Выборгского сражения был подбит, дрейфовал и затонул, попал в кружок диаметром 100 метров на составленной ими карте.

— Когда мы с первого раза вышли на него, секунд тридцать я чувствовал себя абсолютно счастливым. А потом выходили на точку снова, уже без эмоций, — вспоминает Лукошков.

Археологом можно стать, окончив исторический факультет. Подводных археологов в стране пока не готовят. Лукошков и Прохоров по образованию горные инженеры, университетский бэкграунд обоим очень помогает. Только Андрей Васильевич — специалист по морской геологоразведке, искал

янтарь на Балтике, олово в Карском море, никель-кобальтовые корки в Атлантике, россыпное золото у побережья Чукотки, пока не подсел на подводную археологию, а Роман Юрьевич — геофизик, вел поиск нефтегазовых месторождений. Прохоров с еще одним членом экспедиции Игорем Галайдой лет двадцать назад создали в Москве подводный клуб, привезли своих учеников понырять на Балтику, к затонувшему в 1897 году эскадренному броненосцу «Гангут», где и познакомились с Лукошковым.

Те же Прохоров и Галайда в 2004 году установили рекорд России по глубине погружения, опустившись на 187 метров в карстовом Голубом озере в Кабардино-Балкарии.

Они собираются нырять еще не один год, но, поскольку в водах Северо-Запада лежат десятки тысяч кораблей, заранее

Фото слева направо: Роман Прохоров показывает Президенту России Владимиру Путину тарелку, поднятую из офицерского салона парусно-винтового фрегата «Олег», затонувшего в 1856 году. Акватория острова Гогланд. 25.07.2015.

Оловянные тарелки с датой изготовления (1694 г.), ложки, старинный безмен — предметы, поднятые с «Архангела Рафаила», после реставрации.

Фото слева направо:
Под воду на работу.

Горсть мушкетных пуль, не убивших русских моряков. Найдена рядом с бортом шведской галеры «Зренпреутц».

Выборгскому заливу суждено было стать большим кладбищем моряков, в основном шведских и финских. Специалисты НЦПИ предлагают установить на Крестовом мысу интернациональный памятный знак из поднятых со дна залива пушек и якорей на гранитном постаменте, благо гранита на этих суровых берегах предостаточно.

готовят смену — в экспедиции участвуют сын Игоря Галайды — Иван, уже опытный водолаз, и сын Романа Прохорова — Сергей.

Чем интересны погибшие в Выборгском сражении корабли водолазу-исследователю с кандидатским минимумом по археологии и специализацией реставратора? Вопрос, наверное, риторический: в их недрах множество артефактов для будущего музея подводной археологии — китайский фарфор XVIII века, английское оружие с маркировкой, фаянсовые изделия из Германии, глиняные бутылки из-под сельтерской воды для шведской королевской яхты и стеклянные с шампанским (правда, выдохшимся). Роман Прохоров уточняет:

— Это ведь были военные корабли, с экипажами по 200–300 человек. Рассчитываем обнаружить матросские рундучки с имуществом, личное оружие, запасы продовольствия, пороховые склады (бомбы, гранаты, ядра), так называемые дельные вещи — канаты, шпаклевку, ремонтные пластыри, запас-

ные паруса. Нам уже повезло найти горсть мушкетных пуль (возможно, кто-то уронил кисет) — свинец тяжелый, они за камушек завалились и ждали...

Поневоле соотносишь масштаб проделанной и предстоящей работы с возможностями группы энтузиастов. Восхищаешься их целеустремленностью и профессионализмом, но изучение гидроархеологического наследия страны — это же мегапроект, которым должен заниматься целый кластер учреждений: образовательных, проектных, исследовательских, реставрационных. Может быть, на основе государственной программы, как в ряде балтийских стран. Для этого нужно больше людей, больше кораблей, больше оборудования, больше денег.

Но есть и хорошая новость: ЦПИ РГО, как сообщил его исполнительный директор Сергей Фокин, готовится на долгий срок зафрахтовать специализированное судно.

Наследие

Наследие

Консервацией и реставрацией подводных находок в России тоже пока никто системно не занимается. А надо. Поэтому НЦПИ в лице Романа Прохорова, опять же при поддержке компании «Газпром трансгаз Санкт-Петербург», взялся за создание реставрационной лаборатории с набором специального оборудования (вакуумные насосы, дистилляторы, ультразвуковые ванны, микроскопы, сушильные и морозильные камеры и т. д.) для отработки технологий сохранения мокрых предметов и подготовки профильных специалистов. На первых порах она разместится на площадях Музея истории Кронштадта, затем войдет в состав будущего музея подводной археологии. Прохоров, как видно, это оборудование уже подбирает между «водными процедурами», а на суше приобретает и начинает работать на нем — до следующей экспедиции.

— По-моему, пора тралить, — заглядывает в кают-компанию капитан Андрей Сеницын и, не дожидаясь ответа, возвращается в рубку. Тралить — это святое. Андрей Лукошков занимает свое рабочее место в каюте на корме. Пока судно ходит галсами, не отрывает взгляд от монитора гидролокатора бокового обзора. Сконструированный умельцами из НЦПИ «в порядке импортозамещения», шуточно акцентирует он, прибор направляет акустический сигнал в толщу вод и превращает отраженный сигнал в картинку рельефа дна. Не фотография, но все, что лежит на грунте, для наметанного глаза различимо.

За ужином научный руководитель рассказывает о результатах траления:

— Две цели, достойные осмотра, выявили. Похоже, это два якоря неподалеку друг от друга. По нашему плану реконструкции сражения в этом месте стоял русский корабль, вынужденный обрубить свои канаты и сманеврировать.

С другим якорем картинка мудренее, характерная для постановки на шпринг: два каната, на грунте видны их следы, заводятся на нос и на корму корабля. Скорее всего, это был наш

бомбардирский корабль «Победитель». Новые сведения позволяют уточнить диспозицию сражения. А сами якоря поднимем, когда будем готовы их сохранить. У них тоже сложная конструкция (металл, дерево, брезент), которая подлежит разборке, консервации по частям и последующей сборке. Но это будет красивый музейный объект, спасенная историческая ценность.

Что ж, утром предстоит работа водолазам, к чему они полностью готовы. Прохоров, за неимением тренажеров, каждую свободную минуту отжимается на палубе. У Лукошкова свои погружения — в макет книги о Выборгском сражении, которую он готовит к печати. Название эпическое: «Величайшая морская битва Льва с Орлом. История последнего шведского морского похода на Россию 1788–1790 годов, воссозданная на основе подводных археологических исследований». Возможно, ее фрагменты войдут в школьные учебники истории...

Экспедиция НЦПИ в Выборгском заливе.

Каждый из них мог бы повторить вслед за Романом Прохоровым: «Подводной археологией нельзя заниматься по принуждению, ради тулого зарабатывания денег, ею надо болеть, интересоваться по крайней мере. Нырять опасно — так было и будет. Можно и переохладиться, и в сети попасть — что угодно может случиться под водой. Но нас от этой болезни уже не излечишь».

Сентябрь 2015 г.